

УДК 34

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПРАВА: ЗАРОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КРИЗИС ИДЕИ

Архинов С. И.

Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

В статье анализируются представления о государстве как субъекте права, взгляды древних греческих философов, римских юристов, мыслителей Средневековья, а также И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, других авторов. Рассматриваются основные этапы зарождения и развития идеи государства как правового феномена, причины ее кризиса. Отмечается, что кризис идеи правового государства является следствием глобального кризиса западной традиции права и всей Западной цивилизации, также причина заключается во внутренних противоречиях и других недостатках концепции правового государства. Автор указывает на достоинства и выступает с критикой отдельных положений философских и юридических концепций о государстве.

Ключевые слова: государство, субъект права, юридическое лицо, правовое государство, суверенитет, правовая коммуникация.

Представления о государстве как о правовом субъекте зарождаются уже в античном сознании. Платон рассматривал государство как в себе нечто разумное, совершенное. Государство должно выражать справедливость, быть в своей идее справедливым. При этом он различал идеальное и исторически конкретное государство. Государство, существующее в конкретный исторический период, воплощает в себе особые нравственно-правовые качества своих граждан, их вождения, добродетели, идеалы: «В каждом из нас присутствуют как раз те же виды нравственных свойств, что и в государстве»; «В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково» [14, с. 186, 192]. Идеальное же государство должно заключать в себе всеобщую добродетель, основываться на законах как определениях разума. Его правители призваны быть служителями законов: «Я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [14, с. 473–474].

Некоторые современные авторы в данном тезисе древнегреческого философа усмотрели первое изложение идеи правового государства, что представляется спорным. Дело в том, что в платоновском идеале нет разделения государства на правовое, политическое, нравственное и т. д., оно представляет собой монолит, нерасчлененное единство. Зрелому древнегреческому сознанию свойственна целостность, правовые представления не выделялись в отдельную систему, не противопоставлялись политическим, этическим, религиозным взглядам, но это уже не то наивное патриархальное сознание, которое соответствует периоду зарождения государственности. Для греческого духа, как справедливо отметил Гегель, был

пригоден лишь демократический строй, основанный не на патриархальном доверии, а на законах, на правовом и нравственном образе мыслей [2, с. 277–278]. В представлениях Платона о государстве уже присутствует правовой аспект, осознание важности законов, правовых норм, судебных решений для формирования наилучшего социального строя. В этом смысле идеи Платона можно рассматривать в качестве важной предпосылки понимания государства как правового феномена.

Для Аристотеля, как и для Платона, государство первично по отношению к семье и отдельным гражданам, оно есть целое, которое предшествует частям. Государство аккумулирует в себе представления о добре, справедливости, другие духовные качества людей, его цель – служение общему благу. Аристотель рассматривал государство коммуникативно: как общение свободных людей [13, с. 391]. При этом государство для него есть высшая форма человеческого общения, которое он определял как политическое, основанное на принципах власти и подчинения; право же опосредует взаимодействие субъектов политических отношений, служит «мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [13, с. 313]. Закон, по его мнению, должен властвовать над всеми, где нет законов, там нет и государственного устройства; как необходимый элемент политического общения закон не может основываться на страстях, должен заключать в себе разум.

Важным пунктом в представлении Аристотеля о государстве является положение о самодостаточности или самодовлении (автаркия) государства. Речь идет не о суверенитете как правовой независимости государства, а о наличии необходимых человеческих ресурсов, территории, источников питьевой воды, плодородных земель, транспортных артерий, близости к морю, морских гаваней, труднодоступности для внешнего врага и т. д. Понятие самодостаточности – скорее политико-экономическое, чем правовое, оно характеризует внешние и внутренние условия жизнедеятельности государства. Некоторые же авторы, например Г. Еллинек, рассматривали его как этическую категорию, определяющую основное условие, от которого зависит осуществление цели государства, но не зависит его свободное самоопределение в сфере его деятельности, внешней и внутренней политике [5, с. 286]. Аристотель, хотя и говорил о правах, обязанностях государства, принимаемых им законах, однако правовое бытие государства не являлось специальным предметом его исследования, для него высшей наукой о благе человека и государства являлась политика, по отношению к которой право выполняет служебную роль, выступает средством достижения политических целей.

К числу других ценных идей греческих мыслителей, оказавших существенное влияние на современное понимание государства как субъекта права, можно отнести мысль о договорно-правовой природе государства (Ликофрон, Эпикур), а также представления о государстве как глобальном, общепланетарном объединении людей (учение о мировом государстве – космополисе) и человеке как равноправном разумном существе – гражданине Вселенной (стоики Зенон и Хрисипп), которые оказались востребованными уже на другом витке социальной истории, заново переосмыслены в рамках кантовской теории всеобщего гражданско-правового состояния.

В отличие от Древней Греции римское правовое сознание оформилось как самостоятельная система представлений, в рамках которых государство получило

признание в качестве особого правового лица. Римскими юристами оно стало восприниматься не как нечто божественное или естественно-природное, нравственный или политический союз, а юридико-прагматически – как казна, имущественно-правовой центр. Такое весьма специфическое понимание государства, можно предположить, основывалось на особой системе ценностей, присущей римскому сознанию. Как отмечал Р. Иеринг, «мы должны оставить дома весь наш теперешний образ представления о государстве и правовом порядке, когда вступаем на древнеримскую почву» [6, с. 94]. Римское государство создавалось не на высоких нравственных началах, идеях справедливости, социального долга или патриархальных чувствах, а на физической силе, грабеже. Слово «братъ», как утверждает Р. Иеринг, соответствует римскому образу мыслей и латинский язык при его бедности тем не менее богат выражениями, которые первоначально имели это значение: «Emere в позднейшей латыни значит покупать, но где римляне позднейшего времени покупали, их предки обыкновенно брали» [6, с. 96]. Не индивид, личность являлись высшей ценностью, а вещь, имущество, добыча; поэтому субъект права, включая государство, – это прежде всего собственник вещей. Римское представление о государстве выражало имущественные вожеления весьма своеобразного человеческого сообщества, основанного легендарными преступниками Ромулом и Ремом. По сути, римское частноправовое представление о государстве производно от римской «народной» идеи захватнической собственности, есть ее продолжение. Но главное заключается не в имущественном меркантилизме или преступных вожелениях римлян, а в том, что римское правовое сознание открыло миру государство как правовую персону, юридическое лицо. В этом смысле современные теории правового государства есть лишь развитие римских представлений о государстве как правовом феномене.

Еще одной важной вехой в формировании представлений о государстве как правовом лице и воплощении их в социальной реальности является идея государства-суверена. В средневековой Европе (прежде всего во Франции) в процессе борьбы монархов с крупными земельными феодалами и церковью рождается идея государственного суверенитета как независимости сначала главы государства (монарха), а затем и государства в целом от внешних и внутренних сил. Как отмечал Г. Еллинек, «не мыслители, чуждые жизни, открыли его в своих ученых кабинетах, его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» [5, с. 285]. Европа, испытывая на себе тяготы феодальных междоусобиц, выстрадала идею суверенитета. Внешнее оформление она нашла в трудах Ж. Бодена, который первоначально рассматривал ее в смысле отрицания обусловленности государства международными или внутренними нормами, обязательствами, затем попытался определить ее позитивный смысл посредством установления отдельных правомочий государства (по принятию законов, учреждению органов, назначению должностных лиц, объявлению войны и мира и т. д.). Идея суверенитета довольно глубоко и основательно укоренилась в общественном и научном сознании, а его наличие стало рассматриваться в качестве обязательного, важнейшего признака государства.

Если граждане Древней Греции или Рима не воспринимали государство как нечто суверенное, автономное, независимое от них, противостоящие им («Что такое государство, как не достояние народа? ... достояние общее, достояние, во всяком

случае, гражданской общины»; «где существует тиран, там не просто дурное государство, ... а ... вообще не существует государства» [16, с. 220, 230]), то в средневековой Европе в общественном сознании произошел отрыв государства от его граждан, от народа. Если идея суверенитета знаменует разрыв правовой связи государства с народом, а во внешней сфере с другими государствами и международным правопорядком, то можно ли эту идею признать правовой? Не случайно, например, в процессе своего исследования понятия суверенитета Г. Еллинек пришел к выводу о том, что суверенитет есть вовсе не абсолютная, а историческая категория, следовательно, наличие суверенитета нельзя рассматривать в качестве важнейшего признака государства [5, с. 312].

Среди правовых идей, оказавших существенное влияние на правовое сознание народов, способствовавших прогрессивному развитию государства как социального института, особое значение имеет идея правового государства. Она долгое время вызревала в общественном сознании, аккумулируя в себе гуманистические ценности, социально-правовые идеалы Западного мира. По сути, она не представляет собой, как принято считать, единую теорию (правового государства), скорее это общее течение мысли, *mainstream* либерально-правового сознания, объединяющий в себе разные подходы к пониманию права, государства, их соотношению. Попытки дать общее определение правового государства, сформулировать логически стройную систему принципов его устройства предпринимались многими исследователями, но они так и не увенчались успехом.

Среди различных вариантов идеи правового государства наиболее аргументированной, хотя и небесспорной, представляется версия, изложенная в трудах И. Канта. В своей масштабной картине гражданско-правового состояния общества он не только определил общие контуры правового государства, того идеала, к которому следует стремиться человечеству, но и предложил пути решения проблемы мирного сосуществования государств, а также обосновал причины, побуждающие людей формировать государственный строй, основывающийся на правовых началах. Анализируя тенденции социального развития, ход всемирной истории, Кант высказал предположение о том, что человечество идет по пути достижения предустановленной цели, «тайного замысла природы». Каждый индивид заключает в себе исходные задатки, заложенные в нем природой, которые обеспечивают ему возможность социального развития, создания оптимального общественного устройства. Природа через конфликты, раздоры, столкновения интересов внутренне подталкивает людей к социальному созиданию, к достижению неведомой им цели. Именно в антагонизмах Кант видел главную причину, источник общественного развития, двигатель правового прогресса. То, чего не может достичь отдельный индивид в течение своей жизни, способен осуществить человеческий род в целом [7, с. 12–14]. Конечная цель, ради осуществления которой природа даровала человечеству необходимые ему качества, задатки, – это создание общества свободных, равноправных людей, всеобщего гражданско-правового состояния.

Согласно Канту, государство есть «объединение множества людей, подчиненных правовым законам», оно в своей идее должно соответствовать «чистым принципам права» [10, с. 233, 234]. При этом право он определял как «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [10, с. 139]. В

отличие от греческих философов, для которых право не являлось высшей социальной ценностью, по мнению Канта, «во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей», поэтому «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты, как действия по долгу, и сводить их к праву» [8, с. 306, 308]. Кант, основываясь на принципах свободы и равенства, руководствуясь идеей подчинения всех единому закону, предлагал взять за основу модель государственного устройства республиканского типа.

Правовое устройство государства предполагает наличие трех властей: законодательной, исполнительной и судебной. В соответствии с концепцией Канта принятие законов должно быть прерогативой народа, исполнительную власть должен осуществлять коллективный субъект (правительство) или единоличный – правитель. Судебная власть, как и законодательная, должна принадлежать народу, осуществляться посредством суда присяжных. Никакая из властей, включая верховную (законодательную), не может вторгаться в сферу действия другой власти, все они должны быть сбалансированы, уравновешены, взаимно дополнять друг друга.

Границы правового государства в теории Канта раздвинуты до общепланетарного масштаба для достижения глобальной цели – искоренения всех войн, создания вечного мира между народами. Поскольку на пути построения единого мирового государства стоят национальные интересы отдельных государств и народов, то он соглашался на компромиссный вариант – «негативный суррогат союза, устраняющего войны» [9, с. 22–23] – федерацию свободных государств, которая призвана не властвовать, не навязывать мировому сообществу свою волю, а исключать всякую возможность войны. Развивая идею древнегреческих стоиков о мировом гражданстве, Кант предлагал идти по пути создания союза граждан «общечеловеческого государства» [9, с. 13, 26]. Именно гражданам он отводил решающую роль в новом мироустройстве, государство же как правовое объединение должно выполнять в нем служебную функцию, осуществлять общую волю, социальные интересы индивидов.

Кантовские идеи о государстве как субъекте, основанном на принципах права, нашли отражение и получили дальнейшее развитие в теории Гегеля. По его мнению, государство должно быть царством свободной воли, полным осуществлением идеи свободы, творением человеческого разума, заключать в себе высшую ступень самосознания духа [3, с. 103, 104, 328–422; 4, с. 279–289]. Исходя из принципа разумности принятия государственных решений, Гегель полагал, что управлять государством должны наиболее подготовленные, лучшие. Причем не только в части осуществления административных функций, но и в сфере правотворческой деятельности, а также осуществления правосудия. Принципиально важным с точки зрения определения перспектив развития государственного строя является тезис Гегеля о том, что всякий социальный прогресс есть прогресс правовой [12, с. 325], т. е. развитие государства, отдельных институтов, всей социальной системы вне права невозможно, без права нет социальной истории.

Кантовско-гегелевские идеи о закономерном, поступательном развитии общества, постепенном приближении человечества к социально-правовому идеалу стали своего рода всеобщей аксиомой. Идея правового государства начала победное шествие по миру, получила признание и закрепление в конституциях ряда стран.

Однако в XX веке произошел «тектонический» надлом в социально-правовом сознании, вера в неизбежность правового прогресса, в скорое построение правового государства оказалась подорванной, появились сомнения в осуществимости самой идеи. Во-первых, это связано с двумя мировыми войнами, разрушившими миф о способности человечества рационально, ненасильственно посредством права разрешать социальные конфликты. Оказалось, что насильственно-политические способы решения национально-государственных задач не утратили своей актуальности, не померкли на фоне правовых идеалов. Зачем идти по непростому пути согласования воли, совмещения интересов (правового взаимодействия), когда можно силой принудить другого, тем самым добиться искомого результата. В этом смысле показательным является то, что тот самый народ, который, по мнению Гегеля, достиг высшей ступени цивилизации (именуемой им «германским царством»), не вдохновился идеалами своих выдающихся мыслителей – основоположников теории правового государства, предпочел им неправую идею мирового господства. Для американцев идеалы свободы, концепция прав человека также не стали препятствием на пути борьбы за мировое господство. Образ восходящей «золотой лестницы», по которой шаг за шагом человечество идет к наилучшему социально-правовому устройству, оказался разрушенным, а вместе с ним и вера народов в «светлое правовое будущее».

Во-вторых, кризис идеи также связан с теми внутренними противоречиями, иными недостатками, которые существуют в конструкции правового государства. Если взять за основу кантовское определение права, то возникает вопрос о том, как идея правовой свободы совмещается с идеей государственной власти? Не произошло ли смешения в одной конструкции разных систем социальной коммуникации (правовой и политической)? Известный немецкий социолог Никлас Луман не без оснований утверждал, что в Новое время возникла тенденция к объединению двух систем: политической и юридической; при определении государства они не различались [15, с. 39]. Данное утверждение представляется верным, но с одной лишь поправкой: тенденция к смешению двух систем наметилась еще в античности (в наибольшей степени она проявилась в трудах Аристотеля, в его понимании закона как элемента политического общения), в Новое время она только усилилась.

В теории правового государства не решен главный вопрос: о его природе, она правовая, политическая или, может быть, гибридная? Если природа государства правовая, то оно должно основываться на принципах свободы, равенства субъектов и совмещения их произволов (что соответствует кантовскому определению права, но не его идее разделения властей). Если она политическая, то в основе организации государства должна лежать идея власти и подчинения. Теория разделения властей хотя и ограничивает произвол государства, но не меняет его политическую природу. Поэтому в сфере правовой коммуникации она является инородным телом, элементом, заимствованным из другой социально-коммуникативной системы. Если правовое государство – это политико-правовой кентавр, гибридная система, то каким образом в нем соединяются две разнородные социально-коммуникативные системы? На эти вопросы отцы – основатели теории правового государства не дали однозначного ответа, а в современной теории права философские представления о правовом государстве критически не осмыслены, не переработаны в собственно

правовую теорию государства, поэтому вопрос о природе правового государства остался не решенным.

Если рассматривать правотворчество и осуществление правосудия как виды социальной деятельности, то в зависимости от того, в какую систему коммуникации они будут встраиваться, их цели, задачи будут существенно различаться. Исходя из принципов правовой коммуникации, роль законодателя, а равно судьи состоит в том, чтобы быть связующим звеном между субъектами права, объективным, беспристрастным посредником, создающим правовую связь, с помощью которой различные, зачастую диаметрально противоположные интересы сторон, совмещаются. В одной из ранних работ К. Маркс, находящийся под воздействием идей Гегеля, сравнивал законодателя с естествоиспытателем, который не делает законов, не изобретает их, а только формулирует, выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений [11, с. 162, 285]. Историческим примером такого правотворчества как профессионального юридического вида деятельности, не связанного с государственной властью и политическим принуждением, является деятельность римских юристов, создавших уникальную систему частного права, которая стала достоянием всего мирового сообщества. Примером же объективного, независимого от государственной власти суда является суд присяжных.

Исходя из принципов политической коммуникации, перед законодателем и судом стоят совершенно другие цели, они призваны осуществлять волю суверена, быть органами государственной власти. Интересы непосредственных участников отношений здесь уходят на второй план, на первом – властвующего меньшинства или большинства. В данной системе коммуникации роль юристов как профессиональных посредников утрачивается, они вытесняются из законодательного собрания, уступая место «представителям народа»: дояркам и кухаркам, за которыми стоят властвующие элиты. По сути, юристы в политизированном обществе теряют правотворчество как вид профессиональной юридической деятельности, превращаются в простых оформителей воли суверена. У правового сообщества остается лишь последний бастион – суд, но если последовательно проводить идею суда как органа государственной власти, то можно потерять и его, а вместе с ним и юридическую профессию.

Кроме того, в теории правового государства не решен вопрос о соотношении принципов устройства государства и юридической формы, в которую они могут быть воплощены. Дело в том, что форма юридического лица создавалась под частноправовые, имущественные отношения, идея же правового государства – под публично-правовую сферу, здесь важны другие качества, свойства государства. Не случайно многие исследователи, которые пытаются без переработки приложить форму юридического лица к публично-правовым отношениям, сталкиваются с большими трудностями. Следует отметить, что уже и в частной сфере наметилась тенденция к отказу от конструкции юридического лица. Российский законодатель в ст. 124 Гражданского кодекса впервые в истории российской цивилистики вывел государство из состава юридических лиц, он Российскую Федерацию и ее субъектов именуется «иными участниками» гражданско-правовых отношений, если следовать его логике, эти субъекты чем-то похожи на юридические лица, но не являются таковыми. Не определив особенности государства как субъекта права, он создал

«черную дыру» в праве. Напомним, что форма юридического лица создавалась прежде всего под государство и муниципии, потребовалось сотни лет, чтобы ее окончательно установить. Российский же законодатель с легкостью отверг ее, не предложив при этом ничего взамен.

В-третьих, кризис идеи правового государства, по сути, есть лишь часть, фрагмент более глобального кризиса западной традиции права и всей Западной цивилизации. Он, как утверждает, Г. Д. Берман, является величайшим в истории, затрагивает саму структуру западного правового порядка, важнейшие правовые ценности, основу правового сознания [1, с. 48 и след.]. Истоки данного кризиса, по мнению американского правоведа, заключены как в самой западной культуре, так и за ее пределами, внешне кризисные процессы проявляются в столкновениях, конфронтации с Восточными, Южными цивилизациями и их философиями. Если раньше Западная цивилизация несла миру высокую правовую культуру, юридические знания, новые идеи, технологии, теперь же она сама сомневается в них, их пригодности; все чаще звучат слова о том, что западное право устарело уже и для самого Запада.

В западной правовой культуре идея правового государства хотя и занимает важное место, тем не менее представляет собой лишь отдельный фрагмент глобального правового наследия, встраивается в общую систему правовых представлений, ценностных ориентиров. Когда подвергаются сомнению и критике основы, базовые ценности правовой культуры, то это не может не сказаться на отдельных правовых теориях, идеях, базирующихся на них. Казавшаяся ранее незыблемой идея правового государства все больше подтачивается вирусом, проникшим в западную правовую культуру, и теперь ее будущее уже не представляется таким безоблачным, каким оно виделось до начала кризиса. Для России, которая находится на стыке Западной и Восточной цивилизаций, впитала в себя ценности разных культур, важно определить свой собственный вектор правового развития, попытаться синтезировать на новом фундаменте те важные правовые идеи, включая идею правового государства, которыми заслуженно гордится Западный правовой мир.

Список литературы:

1. Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М., 1998. – 624 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 1993. – 480 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Соч. В 14 тт. Т. VIII. – М.–Л., 1935. – 468 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990. – 524 с.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1903. – 532 с.
6. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб., 1875. Ч. 1. – 309 с.
7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. В 8 тт. Т. 8. – М., 1994. – 718 с.
8. Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782гг.) // *Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения.* – М., 1988. – 384 с.
9. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Соч. В 8-ми тт. Т. 7. – М., 1994. – 495 с.
10. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. В 6 тт. Т. 4. Ч. 2. – М. 1965. – 478 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. Изд. 2-е. – М., 1954. – 696 с.
12. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. – М., 1998. – 352 с.
13. Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М., СПб., 2003. – 864 с.
14. Платон. Государство. Законы. Политик. – М., 1998. – 798 с.
15. Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: Монография. – Ижевск, 1997. – 124 с.

16. Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации. – М., 1999. – 750 с.

Arkhipov Sergey. The idea of the state as the subject of rights: origin, development and crisis of the idea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – P. 19-27.

The article analyzes views of the state as a subject of law, the views of ancient Greek philosophers, Roman lawyers, thinkers of the middle Ages, as well as I. Kant and G.V.F. Hegel and others authors. The main stages of origin and development of idea of the state as legal phenomenon, the causes of its crisis are considered. It is noted that the crisis of the idea of the rule-of-law state is a consequence of the global crisis of the Western tradition of law and the entire Western civilization, and the reason is the internal contradictions and other shortcomings of the concept of the rule-of-law state.

The author points out strengths and weaknesses of philosophical and legal concepts of the state.

Key words: state, subject of law, legal entity, rule-of-law state, sovereignty, legal communication.

Spisok literatury:

1. Berman G.D. Zapadnaya tradiciya prava: ehpoza formirovaniya. 2-e izd. M., 1998. - 624 s.
2. Gegel' G.V.F. Lekcii po filosofii istorii. SPb., 1993. - 480 s.
3. Gegel'. G.V.F. Filosofiya istorii. Soch. V 14 tt. T. VIII. M.-L., 1935. - 468 s.
4. Gegel'. G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990. – 524 s.
5. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb., 1903. – 532 s.
6. Iering, R. Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenyah ego razvitiya. SPb., 1875. CH. 1. - 309 s.
7. Kant I. Ideya vseobshchej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane // Soch. V 8 tt. T. 8. M., 1994. - 718 s.
8. Kant I. Iz "Lekcij po ehtike" (1780-1782gg.) //EHticheskaya mysl': Nauch.- publicist. chteniya. – M., 1988. - 384 s.
9. Kant I. K vechnomu miru. Filosofskij proekt //Soch. V 8-mi t. T. 7. M., 1994. - 495 s.
10. Kant I. Metafizika nravov v dvuh chastyah // Soch. V 6 tt. T.4. CH. 2. M. 1965. - 478 s.
11. Marks K., EHngel's F. Soch. T. 1. Izd. 2-e. M., 1954. - 696 s.
12. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava Gegelya. M., 1998.- 352 s.
13. Platon, Aristotel'. Politika. Nauka ob upravlenii gosudarstvom. M., SPb.. 2003. - 864 s.
14. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik. M., 1998. - 798 s.
15. Poskonina O.V. Niklas Luman o politicheskoy i yuridicheskoy podsystemah obshchestva: Monografiya. Izhevsk, 1997. - 124 s.
16. Ciceron. O gosudarstve // Antologiya mirovoj pravovoj mysli. V 5 t. T. 1. Antichnyj mir i Vostochnye civilizacii. M., 1999. - 750 s.